

МАНИФЕСТАЦИИ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ В РОССИЙСКО- АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

ЮРИЙ НАДТОЧЕЙ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Значимость теоретических конструкций, оценивающих феномен взаимозависимости на фоне замедления глобализации и обострения противоречий между странами, ещё недавно считавшихся партнёрами, возрастает. Тезис о том, что взаимозависимость, прежде всего в экономической сфере, способна сглаживать политические противоречия, стал подвергаться сомнению, и её, напротив, всё больше рассматривают как предпосылку конфликта. Из поля зрения исследователей ускользнула предыстория концептуализации понятия «взаимозависимость», рождённого не глобализацией, а конфронтацией эпохи «холодной войны». Этот концепт может быть применим к отношениям не только между странами-партнёрами, но и противниками, как это было в случае с СССР и США. Именно тесная связь между двумя сверхдержавами, опосредованная плотной тканью двусторонних соглашений, институтов и режимов в разных сферах (прежде всего в области безопасности), предохраняла их от вступления в разрушительный для обеих сторон конфликт. После распада биполярной системы обе страны попытались упрочить двусторонние институты и режимы путём наращивания сотрудничества, перевода отношений от взаимного гарантированного уничтожения к устойчивому партнёрству, от политики сдерживания к сообществу безопасности. Несмотря на эти усилия, структурные изменения в международных отношениях XXI века подорвали выверенную временем систему взаимодействий между Россией и США. В отличие от периода конфронтации, когда издержки сотрудничества расценивались как приемлемые и даже необходимые, в новых условиях они представляются элитам двух стран обременительными. Москва и Вашингтон всё чаще предпочитают свободу рук в достижении краткосрочных или долгосрочных политических целей и принимают единоличные решения, без учёта действий контрагента, его интересов и обеспокоенности, что повышает в дальнейшем риски углубления уже существующего конфликта.

Ключевые слова:

российско-американские отношения; взаимозависимость; структура; процесс; неореализм; неолиберализм; международные институты; «холодная война»; сдерживание; разрядка.

Современные российско-американские отношения характеризуются высокой степенью нестабильности и непредсказуемости. В целом ряде сфер, таких как безопас-

ность, экономика или гуманитарные связи, всё более выраженным становится ускоряющийся процесс ослабления взаимодействия сторон, подвергаются пересмотру

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.11.2019

Дата принятия к публикации: 25.06.2020

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: ynadtochey@yandex.ru

важные договорённости, составлявшие основу для сотрудничества в течение многих лет и даже десятилетий. При наличии широкого круга вопросов международной повестки, значимых как для Москвы, так и для Вашингтона, стороны не стремятся находить взаимоприемлемые формулы и совершают односторонние действия, порой без учёта интересов партнёра. При этом год от года интенсивность взаимодействия сторон только понижается, постепенно приближаясь к уровню наиболее драматичных эпизодов «холодной войны». По сравнению же с более спокойными её периодами (например, временами «разрядки», «нового политического мышления») глубина и масштабы современных двусторонних контактов и вовсе могут оцениваться как явный регресс. Например, российско-американский диалог по проблеме контроля над вооружениями характеризуется меньшей плотностью, частотой и насыщенностью, чем полвека назад, свидетельством чему служит не просто отсутствие прорывов в укреплении соответствующей договорно-правовой базы, а её неуклонное размывание.

Подобное состояние отношений не в последнюю очередь обусловлено изменениями в характере взаимозависимости двух стран. Это состояние и описывающий его концепт ранее довольно подробно исследовались в зарубежных научных работах начиная с 1970-х годов. Публикации, объясняющие взаимозависимость между великими державами, доминировали в теории международных отношений более десятилетия, постепенно уступив в конце 1980-х – первой половине 1990-х годов пальму первенства работам, посвящённым глобализации. И хотя в XXI веке взаимозависимость как концепт оказалась вновь востребованной исследовательским сообществом [Coreland 2014, Labarre 2007, Farrell, Newman 2019], отношения США и России сквозь призму данной теории анализируются в недостаточной мере, а аспекты взаимозависимости между этими крупнейшими странами не являются предметом узкоспециализированных исследований. Это заметно

даже при беглом ознакомлении с массивом современной российской и иностранной научной литературы, где отношения двух стран рассматриваются либо в более общем контексте внешней политики России и стран Запада [Lynch 2007], либо в плоскости отдельных вопросов (энергетика, финансы, кибербезопасность), представляющих наибольший интерес для США и тех их союзников (особенно в Европе), для которых взаимозависимость с Россией, в силу переплетения связей с ней, особенно актуальна [Johnson 2008; Grais and Zheng 1996; Cichock 1999; Van Epps 2013]. Однако подобная картина заметно контрастирует со временами биполярности, когда концепция взаимозависимости находила достаточное применение в сфере советско-американских отношений и служила интересной теоретико-методологической рамкой для тестирования различных гипотез и апробации эмпирических исследований по разным вопросам взаимодействия Москвы и Вашингтона (контроль над вооружениями, экономические связи сверхдержав и др.) [Clemens 1973; Gasiorowski, Polachek 1982; Nye 1987].

Цель настоящей статьи состоит в выявлении специфики российско-американского взаимодействия с опорой на концепт взаимозависимости, основанный на достижениях теории рационального выбора. В ней раскрываются исторические предпосылки формирования такой системы связей между двумя странами, которая не позволяла им отказаться от сотрудничества даже в период «холодной войны». Наряду с этим анализируются причины, изменившие эту систему после распада биполярного порядка и вызвавшие планомерное расхождение интересов России и США в сфере политики, экономики и безопасности.

Гипотеза настоящего исследования базируется на допущении, что взаимозависимость как таковая не способна стать надёжным условием для предотвращения межгосударственных противоречий, особенно между великими державами. Более того, чем более высоким является уровень переплетения жизненно важных интересов

взаимозависимых стран, тем сложнее происходит демонтаж связей между ними и тем глубже проявляется конфликт. Это противоречит свойственной неолиберальному дискурсу 1980-х и начала 1990-х годов «идеализации» глобализации и подвергает сомнению тезис о том, что взаимозависимость снижает вероятность возникновения международных конфликтов [Oneal, Oneal, Maoz, Russett 1996]. Доводы в пользу умиротворяющих эффектов взаимозависимости были поставлены под сомнение как исследователями, придерживающимися иной точки зрения [Barbieri 1996], так и самой международной практикой, особенно на фоне мировой экономической и политической ситуации, последовавшей за кризисом 2007–2009 годов. Более того, политика санкций и асимметричные экономические отношения стали фактической нормой даже в тех случаях, когда взаимозависимость была призвана гасить конфликтность. Это доказывается не только несостоятельностью таких амбициозных проектов, как «группа двух» (G2), которая не смогла трансформировать экономическую взаимозависимость США и КНР в политический альянс, но и ухудшением отношений между Соединёнными Штатами и ЕС, теснейшим образом связанных в единый социально-экономический и военно-стратегический комплекс, но также оказавшихся на грани торговой (а возможно, и политической) конфронтации.

Таким образом, возрастание фактора силы в международных отношениях и новый запрос на политический реализм как на более подходящую под условия жёсткого (в плане конкуренции великих держав) посткризисного мира аналитическую призму не способствуют популяризации концепта взаимозависимости в его изначальной неолиберальной интерпретации. Напротив, исследователи вновь заговорили о ней как о ещё одной форме контроля, при которой более могущественные субъекты международных отношений манипулируют более слабыми либо с опорой на военную силу [Waltz 2000], либо посредством экономической глобализации [Gottlieb, Lorber

2014]. Всё чаще наиболее передовые страны (прежде всего США) эксплуатируют своё влияние на глобальную информационную и техническую инфраструктуру для ограничения доступа к ней других государств [Farrell, Newman 2019]. Изменение хода дискурса о взаимозависимости в указанном выше направлении способно объяснить и повышающийся уровень конфликтности в российско-американских отношениях. Её эскалация происходит вследствие расхождения позиций и размежевания двух стран по широкому кругу вопросов, ранее не составлявших предмет острой конкуренции (энергетика, кибербезопасность). Столкнувшись с угрозами принципиально нового типа, не имеющими непосредственного отношения к двусторонней проблематике, а также с несовпадающими оценками этих угроз, Москва и Вашингтон попытались разомкнуть круг взаимозависимости, прервать циклы итераций, обеспечивающих непрерывность вынужденного сотрудничества по схемам, унаследованным со времён «холодной войны». Как следствие, в отношениях двух стран выявились новые грани напряжённости и повысились риски нарастания конфликтности.

1

Совместная монография Р. Кохейна и Дж. Ная «Сила и взаимозависимость» [Keohane, Nye 1977] существенно обогатила научный инструментарий познания мировой политики, а атмосфера, свойственная международным отношениям второй половины XX века, — особенно начиная с 1970-х годов — сформировала политический запрос на исследование подобного рода в условиях постепенного размывания жёсткой биполярности. Сложились предпосылки для очередного витка так называемых больших дебатов в теории международных отношений, которая стала искать более прочные основания для объяснения новых процессов и явлений — транснационализации, меняющейся роли государства в мировой политике, проблем мирового развития. Третий по счёту раунд

дебатов коснулся и интерпретации значения взаимозависимости как частного аспекта более широких научных проблем. Poleмика, в которую включились известные специалисты-международники, такие как Д. Болдуин, А. Гольт, Э. Морсе, Р. Роузкранц, А. Штейн, Р. Соломон и многие другие авторы, активизировала исследования в этой области, а появление широкого пласта литературы легитимировало притязание концепта взаимозависимости на научность [Baldwin 1980; Gault 1977; Morse 1976; Michalak 1979; Rosecrance, Stein 1973; Solomon].

Сохранявшиеся между исследователями разногласия относительно глубины воздействия этого феномена на международные отношения и мотивы поведения государств не помешали сближению «полярных» точек зрения и стоящих за ними исследовательских традиций – неореалистской и неолиберальной. По ряду онтологических, эпистемологических и методологических вопросов позиции исследователей сблизились: как неореалисты, так и неолибералы объясняли внешнеполитическую логику и мотивацию государств на основе подсчёта относительных и абсолютных выгод и издержек¹, которые они получали от взаимодействия друг с другом.

Этот исследовательский консенсус, вошедший в учебники как «синтез нео-нео», может быть объяснён выраженным доминированием к тому времени в англосаксонском обществоведении теории рационального выбора и достижений бихевиоралистской революции [Rana 2015; Glaser 2010]. Под влиянием работ Р. Аксельрода, Т. Шеллинга, М. Гальперина и других исследователей, отстаивающих безальтернативность сотрудничества конфликтующих государств в условиях «холодной войны», специалисты, работавшие над применением теории игр к политическому анализу,

сошлись во мнении, что взаимозависимость есть состояние отношений между участниками политического процесса, которое им сложно прекратить по причине высокой цены выхода из них.

Они также полагали, что чем больше интересы субъектов пересекаются в той или иной области, тем сложнее им найти альтернативу сотрудничеству [Schelling 1981; Schelling, Halperin 1985]. Эта логика относилась как к тем сферам взаимодействия, в которых стороны максимизировали выгоды от сотрудничества (например, экономика), так и к тем областям, где они минимизировали потери (война). В частности, в такой сверхчувствительной сфере, как безопасность, в особенности при наличии ядерного оружия, потребность в сотрудничестве стала острее из-за сложностей для ядерной державы достичь победы над противниками без неприемлемых потерь со своей стороны.

Классики теории взаимозависимости Р. Кохейн и Дж. Най признавали, что обязательным условием для её возникновения выступает взаимность – «обмен примерно эквивалентными ценностями, при котором действия каждой стороны зависят от предыдущих действий других» (действий по отношению друг к другу. – Ю. Н.) [Keohane 1986: 8]. Вместе с тем они не утверждали, что взаимность гарантирует игрокам равные выгоды. Напротив, нередко отдельные участники несут разные издержки от сотрудничества (или конфликта), что породило понятие «асимметричная взаимозависимость». При ней один из игроков получает меньше выгод от сотрудничества, чем другой (другие), а попытка разорвать такие отношения может оказаться в разной степени болезненной для участников взаимодействия. «Цена выхода» из отношений для одного участника зависит как от его собственных действий, так и от послед-

¹ Расхождения между этими двумя направлениями состоит в оценке выгод от сотрудничества. В то время как неореалисты делали упор на относительные выгоды, подразумевающие, что стороны выигрывают от взаимодействия не в одинаковой мере и потому являются конкурентами в борьбе за блага, неолибералы акцентировали внимание на выгодах абсолютных, которые подразумевают сопоставимые преимущества для сотрудничающих сторон.

ствий, которые он испытывает в результате действий своего контрагента.

В целях конкретизации теоретической схемы Кохейн и Най ввели понятия чувствительности и уязвимости к взаимозависимости (*sensitivity* и *vulnerability*), понимая под первой «способность нести издержки, вызванные внешними обстоятельствами, до того, как будет выбрана политика, призванная изменить ситуацию», а под второй «способность актора нести издержки, связанные с внешними событиями, даже после того как (его. — Ю. Н.) политика поменяется» [Keohane, Nye 1977: 13]. Иначе говоря, чувствительность — степень внешнего воздействия на государство со стороны других акторов (государств или негосударственных участников). При этом объект воздействия несёт определённые издержки в любом случае, даже не реагируя на касающиеся его изменения. В то же время уязвимость предполагает способность (или неспособность) объекта воздействия адаптироваться к изменениям путём определённых действий (изменения своей политики), даже если эти действия будут для него затратными.

Предвидя предстоящую критику концепции взаимозависимости, Р. Кохейн и Дж. Най разграничили её как реальный феномен и созданный ими идеальный тип — теорию комплексной взаимозависимости [Keohane, Nye 1977]. Последняя описывает случаи, когда отношения носят кооперативный характер (сотрудничество), хотя даже подобная комплексная взаимозависимость может использоваться одной стороной в целях манипулирования уязвимостью другой, а следовательно, выступать источником политической власти. Задолго до Кохейна и Най этот аспект взаимозависимых отношений был исследован экономистом А. Хиршманом применительно к торговым связям между странами [Hirshman 1945]. В международную переговорную практику также вошла «дипломатия увязок» (*linkage diplomacy*), позволяющая менее зависимому государству воспользоваться уязвимостью партнёра в сфере, составляющей предмет переговорного тор-

га. Таким образом, менее уязвимой стороне удаётся подороже продать благоприятное для неё и менее выгодное для контрагента решение, получив взамен ещё более значимую уступку в том или ином вопросе [Stein 1980]. Подобные отношения являются ограниченно кооперативными, их нельзя назвать одинаково выгодными для обеих сторон.

Вместе с тем в реальности возможны и ещё более жёсткие варианты, когда отношения носят вовсе не кооперативный характер, например, когда государства вступают в гонку вооружений, из которой они не в состоянии выйти на приемлемых для себя условиях. Подобная «двуликость» взаимозависимости позволила американскому исследователю Р. Такеру разграничить её на «позитивную», где интересы сторон прямо пропорциональны, и «негативную», где они обратно пропорциональны [Tucker 1977: 9].

На языке теории игр это разграничение может быть описано следующим образом. При позитивной взаимозависимости сотрудничество строится *между партнёрами* на взаимном выигрыше (игра с положительной суммой), а при негативной — *между соперниками*, где выигрыш одной стороны автоматически приравнивается к проигрышу другой (игра с нулевой суммой). В первом случае взаимозависимость — необходимое условие достижения участниками общих целей. Они реализуемы, если государства полагаются друг на друга и жертвуют незначительными односторонними выгодами ради более существенных, полученных в процессе совместной деятельности. Стороны намеренно стремятся поддерживать такую взаимозависимость ради систематической и регулярной максимизации выгод. Если же участники выбирают конкурентный тип отношений и их действия наносят взаимный ущерб, но при этом они не могут прервать взаимодействие, единственно приемлемой альтернативой становится поиск путей минимизации издержек через установление правил взаимодействия. Иными словами, речь может идти о том, чтобы научиться управлять

конфликтом, из которого стороны не могут выйти.

Большую часть новейшей истории российско-американские отношения характеризовались вторым типом взаимозависимости. Это подтверждается известной по временам «холодной войны» формулой взаимного сдерживания (негативная взаимозависимость). Она позволяла вносить в диалог двух сверхдержав элемент предсказуемости на основе страха, что не отменяло неоднократных попыток сторон перейти от конфликта к сотрудничеству на основе кооперативных практик (позитивная взаимозависимость).

2

Попытки приложения концепции взаимозависимости к советско-американским отношениям предпринимались исследователями начиная с 1970-х годов, что фактически совпало по времени с появлением самой концепции и с возникшей в этой связи потребностью в её эмпирических доказательствах. Выбор в качестве объектов для анализа двух сверхдержав был вполне очевиден: именно эти два игрока определяли состояние международных отношений, а характерные особенности их взаимодействия представлялись исследователям наиболее важными с точки зрения применимости различных теоретических построений и практической экспертизы [Levin 1976; Hardt, Holliday, Kim 1974].

Исследуя проблематику взаимозависимости, специалисты выделили в ней два основных аспекта – структуру и процесс. Советско-американские отношения развивались под воздействием образов действия, поведенческих паттернов, институтов, определявших процесс взаимодействия [Keohane, Nye 1987]. Вместе с тем основное внимание исследователи отдавали структуре, которая стала выступать базисом взаимодействия между Москвой и Вашингтоном. Подобный подход на первый взгляд казался оправданным, так как структурные, материальные факторы могли объяснить в поведении сторон если не всё, то, по крайней мере, очень многое.

Конкретное соотношение материальных возможностей конфликтующих сторон и те естественные ограничители международной системы, которые в конечном счёте определяли их поведение по отношению друг к другу, задавали странам импульсы для взаимного сближения либо расхождения. В то же время анализу процесса, то есть тому, каким образом строился диалог между сверхдержавами, уделялось не заслуженно более скромное внимание.

Сама история отношений России (СССР) и США давала карт-бланш в руки структурных реалистов, объяснявших взаимные сближения и расхождения двух стран экономическими, географическими и военно-стратегическими факторами. Причём здесь прослеживалась и цикличность. В разные периоды истории мог преобладать курс на расхождение, а в другом – он уступал место курсу на сближение. Например, до середины XX века низкая заинтересованность двух стран друг в друге обуславливалась не только географической удалённостью, но и, что более важно, отсутствием у них точек непосредственного соприкосновения в жизненно важных для обеих стран регионах. Экономическая самодостаточность России и Соединённых Штатов, помноженная на типичную для них «геополитическую интроверсию» (максимальную самостоятельность в международных отношениях), не давала устойчивой основы для двусторонних отношений.

Несмотря на то что межвоенные годы обозначили постепенную тенденцию на сближение Советского Союза и США, коренной перелом наступил только в условиях Второй мировой войны – события, которое объясняло тесный союз между двумя кардинально различными по характеру политических режимов государствами структурными причинами: обе стороны стремились к выживанию в условиях разрушившегося мирового порядка. Вторая мировая война обозначила перелом в советском и американском политико-стратегическом мышлении, которое трансформировалось из регионального в глобальное вследствие перераспределения материаль-

ной мощи в мировой системе в пользу двух держав, породив феномен биполярности.

Аккумулировав беспрецедентный экономический (США) и военный (обе страны) потенциалы и став не просто великими державами, а мировыми гегемонами, выстроившими альтернативные системы господства-подчинения в подконтрольных им ареалах, Советский Союз и Соединённые Штаты впервые вынуждены были иметь дело с непосредственным соприкосновением, а порой и «взаимным наложением» зон интересов (в Европе, Африке, Южной Америке, на Ближнем и Дальнем Востоке), что могло привести к широкомасштабному конфликту между ними. Позитивно развивавшийся в довоенный и особенно в военный период тренд экономического сотрудничества, укрепивший доверие между двумя странами, прервался и был заменён ограниченными формами диалога.

Ситуация усугублялась отсутствием двусторонних механизмов урегулирования кризисных ситуаций: развитых каналов коммуникации, режимов и институтов контроля над вооружениями (в том числе ядерными), которые могли снизить риски неопределённости находившихся в состоянии конфликта государств. Для выработки принципиально новой модели вынужденного сотрудничества в условиях конфликта сторонам потребовалось время. Сначала структурно оформившаяся биполярная система (середина 1950-х годов) создала предпосылки для «мирного сосуществования», а затем её постепенное размывание (конец 1960-х–1970-е годы) породило политику «разрядки». Одновременно с этим ускоренное технологическое развитие мира, появление транснациональных проблем в области экологии и энергетики модифицировали и структурные ограничители для сверхдержав. Императивы взаимозависимости становились, с одной стороны,

объективной реальностью, а с другой – насущной потребностью даже между противоборствующими системами.

Обе стороны отказались (по крайней мере, на декларативном уровне) от непосредственного военно-силового воздействия друг на друга, подтвердив это в соответствующих двусторонних и международных обязательствах², и перешли к созданию управляемого двустороннего конфликта, ограниченного набором правил, процедур и регулируемого специально созданными режимами и институтами, сводящими к минимуму риск прямого военного столкновения. Эта более сложная модель взаимодействия заложила основу советско-американских отношений на годы вперёд. Её применимость к советско-американским отношениям определялась возникновением особого формата взаимодействия, в котором у сторон имелись общие интересы как в сфере внешней политики (сохранение относительно выгодного для обеих стран международного статус-кво, препятствие растущему влиянию других центров силы), так и в области экономики: СССР нуждался в зарубежных наукоёмких технологиях и изделиях, а Запад (особенно Западная Европа) испытывал всё большую потребность в советских энергоносителях.

Однако главным императивом двух стран оставалось стремление свести к минимуму риск гипотетического военного конфликта, который в условиях ускорившегося научно-технического прогресса в военной области мог бы стать особенно разрушительным. Совершенствование ОМУ и средств его доставки требовало принципиально новой системы двусторонних механизмов (режимов и институтов) контроля над вооружениями, что также явилось отражением растущей советско-американской взаимозависимости [Батюк 2007].

² См., например: Соглашение о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединёнными Штатами Америки от 30 сентября 1971 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. Выпуск XXVII: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января и 31 декабря 1971 года / Министерство иностранных дел СССР. М.: Международные отношения, 1974. С. 30–31.

Р. Джервис, изучавший поведение сверхдержав в годы «холодной войны», отмечал, что стороны сознательно понижали порог своей чувствительности к действиям противоположной стороны, что позволяло им преодолевать «дилемму безопасности» [Jervis 1978]. Они добивались этого, в частности, путём ограничения оборонительных вооружений. Сверхдержавы не только допустили возможность принятия взаимных обязательств по снижению вероятности войны между собой, но и разработали систему гарантий путём повышения «стоимости конфликта».

Разработка и негласная индоктринация концепции взаимного гарантированного уничтожения в качестве организующего принципа советско-американских отношений (в ракетно-ядерной области) стало свидетельством зрелости негативной взаимозависимости – равновесия страха, при котором ни одна из сверхдержав не могла получить односторонних преимуществ в условиях конфликта с применением ядерного оружия. Это гарантировало выживание обеим странам и позволяло исследователям советско-американских отношений характеризовать их как особую форму сотрудничества, протекающего в условиях конфликта. В научной литературе этот необычный формат конфликтного взаимодействия получил название квазисоюза, или кондоминиума [Kanet, Kolodziej 1991; Miller 1995].

Конфронтация между сверхдержавами сохранялась, однако она стала более зрелой. Стороны отказались от иррационального доктринёрства, предписывавшего продолжение бескомпромиссного противостояния до полной победы и едва ли не любой ценой [Allison 1989]. Отныне их тип связей характеризовался более объективными оценками друг друга, третьих стран и общего состояния международных от-

ношений. Относительные выгоды и издержки от сотрудничества казались советским и американским лидерам более привлекательными, нежели абсолютные потери в случае продолжения бесконтрольной конфронтации. Способность принять во внимание информацию от другого, признать его интересы и озабоченности обеспечивала необычное сотрудничество сверхдержав при сохранении соперничества между ними.

Существенно возрос и уровень взаимного доверия. Получение новой информации друг о друге *в процессе систематического и регулярного* взаимодействия оказывало на отношения двух стран пусть и ограниченный, но важный нормализующий эффект. Усвоение новых концепций и кооперативных практик³ способствовало обоюдному изменению предпочтений конфликтующих сторон, их взаимному приспособлению там, где это диктовалось взаимной чувствительностью и уязвимостью⁴. Подобный процесс влиял на предпочтения (preferences) лиц, принимающих решения, и их последующие действия (behavior) в не меньшей степени, нежели объективные материальные возможности сверхдержав на стратегический паритет, укрепление военных союзов и другие структурные параметры [Rosenau 1989].

Позитивное влияние усвоения кооперативных практик на советско-американские связи не исключало всплески конфликтности между сверхдержавами. Одно из таких обострений имело место в начале 1980-х годов. Стороны перенимали подходы друг друга не в равных объёмах. Даже в такой сфере, как контроль над вооружениями, в которой присутствовала равная заинтересованность, а материальный паритет был уже достигнут, асимметричная взаимозависимость продолжала сохраняться. Ещё более серьёзное неравенство со-

³ Концепция политического обучения также использовалась Р. Кохейном и Наем в процессе работы над теорией взаимозависимости.

⁴ Именно таким образом советский генералитет, члены политбюро и правительства восприняли предложенную американским министром Р. Макнамарой концепцию взаимно гарантированного уничтожения.

хранялось в экономической сфере, в которой положение Советского Союза, несмотря на высокие цены на энергоносители, оставалось более шатким, нежели у США [Gasiowski, Polachek 1982].

По оценке Дж. Ная, советское военно-стратегическое мышление «адаптировалось под западные концепции» стратегической стабильности в большей мере, нежели американское учитывало советские обеспокоенности [Nye 1987]. Хотя критики разрядки из администрации Р. Рейгана, включая самого президента, придерживались противоположной точки зрения, считая этот процесс «улицей с односторонним движением» в пользу СССР⁵, по ряду параметров Москва оставалась более уязвимой, чем Вашингтон. Несмотря на то что выгоды от взаимодействия получали оба государства, это создавало условия для эксплуатации менее зависимой стороной уязвимостей контрагента в ходе политического торга⁶. Слабая сторона, сохраняя большую чувствительность к действиям контрагента и обладая меньшими возможностями изменить существующее положение вещей, была более заинтересована в развитии отношений. В свою очередь, более сильная сторона желала добиться свободы рук, сбрасывая с себя балласт избыточных, с её точки зрения, обязательств перед партнёром и провоцируя тем самым конфликтность с ним⁷.

Тем не менее даже в подобных условиях взаимозависимость обеих сверхдержав представлялась им если и не безальтернативной, то, по крайней мере, обоюдовой. Речь не шла о переоценке значения самого отношения друг для

друга и последующей перекодировке их с враждебных на дружественные. Р. Кохейн и Дж. Най, как и другие сторонники теории рационального выбора, не уделяли достаточного внимания идеационным аспектам возникновения взаимозависимости, фокусируясь на её «технической» стороне — транснациональных связях. А поскольку плотность советско-американских контактов в период разрядки становилась всё большей, охватывая новые и новые сферы (экономику и торговлю, науку и связи по линии гражданских обществ), двусторонние контакты также становились всё более значимыми для обеих стран. Путём «узнавания» друг друга они меняли представления о характере сотрудничества и распространяли его на всё большее число областей с выработкой конкретных норм регулирования отношений [Jamgotch 1985]. Как следствие, нормы и институты сотрудничества заменяли нормы конфликта, что в случае с советско-американскими отношениями стало происходить на рубеже 1980–1990-х годов — в годы «перестройки» СССР, а затем и в период рыночных реформ в постсоветской России.

З

Ещё на закате «холодной войны» стороны попытались заложить базу взаимозависимости на основе позитивной повестки дня (игры с положительной суммой), чего ранее в их отношениях не наблюдалось. Эти попытки проявились в декларировании советским генсеком М.С. Горбачевым приоритетности общечеловеческих ценностей, не разъединяющих, а объединяющих сверхдержавы [Громько, Ломейко 1985].

⁵ Ronald Reagan First Press Conference. January 29, 1981. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-29-1981-first-press-conference> (дата обращения: 26.07.2020).

⁶ США, будучи более развитым в экономическом и технологическом плане государством, использовали торговые переговоры с СССР в период разрядки как инструмент «дипломатии увязок», с помощью которых американская сторона добивалась уступок от советских партнёров по другим значимым для Вашингтона вопросам — контролю над вооружениями, соблюдению прав человека в СССР и т.д.

⁷ Например, попытки администрации Рейгана отказаться от никсоновских доктрин ограничения систем противоракетной обороны ставили под сомнение стратегическую стабильность, основанную на доктрине взаимного гарантированного уничтожения.

Поменялся сам язык советско-американских отношений. Вместо минимизации ущерба от деятельности друг друга в качестве приоритета была обозначена цель совместного решения глобальных проблем, прежде всего в сфере безопасности, которую предполагалось сделать взаимной [Кортунов, Смоун 1991].

Взаимозависимость, по замечанию Т. Гатти, стала рассматриваться как комплекс мер, выходящих за рамки отношений только двух стран, как «единственно логичный подход в борьбе с ядерными и экологическими угрозами, с которыми сталкивается планета» [Gatti 1990]. В перспективе реализация подобных предложений означала бы постепенный перевод конфликтной взаимозависимости (взаимного сдерживания) в неконфликтную (сообщество безопасности), а в практическом смысле это могло конвертировать отношения США и СССР/России в немыслимый со времён Второй мировой войны формат партнёрства. Разобщающие сверхдержавы идеологические противоречия после падения советского строя исчезли, а новая расстановка сил, обусловленная резким сокращением сфер советского/российского влияния в мире (после вывода войск из Афганистана, Восточной Германии и Прибалтики) и отказом Москвы от поддержки прежде дружественных ей режимов в развивающихся странах, сняла проблему соперничества с США в различных регионах земного шара.

Благоприятный фон изменившейся международной ситуации создавал предпосылки для закладывания обновлённого будущего российско-американского партнёрства, а условия для перевода двусторонних связей на партнёрскую основу представлялись американским и российским элитам вполне сложившимися. Выход обеих стран из состояния клинча, в котором они пребывали около полувека — в рамках конфликтной взаимозависимости, не привёл к утрате интереса к взаимозависимым отношениям как таковым. Более того, Москва и Вашингтон решили не сворачивать, а, напротив, увеличить масштабы взаимодействия, но уже в условиях глобализа-

ции. Эти намерения определялись не только риторикой об общности демократических ценностей, но и рациональными соображениями относительно уязвимости/чувствительности. При этом у каждой из сторон они были свои.

Российская Федерация нуждалась в стабильном внешнем окружении для осуществления внутренних реформ. Курс Москвы на форсированное вступление в ведомые США и их союзниками в Европе международные организации и клубы (Международный валютный фонд, Совет Европы, «группа семи») расценивался ею как эманация позитивной взаимозависимости в отношениях России и Запада. Осознавая свою внутреннюю слабость, она была не готова прервать связи со вчерашними противниками, замкнувшись на решении собственных проблем и исключительно своими силами. То обстоятельство, что подобная модель взаимозависимости станет для России ещё более асимметричной, нежели для СССР, не смущало российские власти. Они расценивали такое положение вещей как временное и предпочитали делать упор на равноправие в партнёрстве с США хотя бы в перспективе [Шаклеина 2002].

Американское же руководство в лице администраций Дж. Буша-старшего, а затем и У. Клинтона, понимая иллюзорность такой перспективы, тем не менее проявляло неподдельную заинтересованность в продолжении демократизации российской политической системы. Вариант с отстранённостью США от внутрirosсийской повестки американской стороной всерьёз не рассматривался, так как в случае провала реформаторства Б.Н. Ельцина и начала оппозиционного реванша российские приоритеты в отношении стран Запада могли резко измениться, повлияв на состояние уязвимости последних.

Трудности, вызванные распадом СССР, не помешали его будущей правопреемнице — Российской Федерации — сохранить основные атрибуты великой державы, и прежде всего военно-силовой (в основном ракетно-ядерный) потенциал. Даже после «поражения» (с американской точки зре-

ния) в «холодной войне» она оставалась единственной страной в мире, способной нанести США неприемлемый ущерб в случае гипотетического конфликта [Голдгейер, Макфол 2009].

Во многом по этой причине на протяжении почти всех 1990-х годов американские власти не спешили с отказом от концептуального лексикона взаимно гарантированного уничтожения и стратегической стабильности. Они также избегали демонтажа двусторонних режимов сотрудничества с Москвой, хотя последние не вписывались в новую логику партнёрства и могли рассматриваться как атавизм ушедшей эпохи. Политика, направленная на сохранение таких устаревших механизмов, осуществлялась параллельно усилиям по созданию принципиально новых российско-американских институтов на межгосударственном и неправительственном уровнях, наподобие комиссии Гор – Черномырдин. Через подобные структуры американское руководство предполагало транслировать в российскую политическую культуру заранее заданный набор установок, влияя тем самым на предпочтения российских элит и побуждая их выбирать «правильную», с точки зрения Вашингтона, модель поведения.

В случае успешных усилий по демократизации элит в переходный период можно было ставить вопрос о пересмотре принципов взаимозависимости – от взаимного сдерживания на основе силы к сообществу безопасности на основе широкой экономической и социальной интеграции между странами [Гудби, Бувальда, Тренин 2003]. Со временем, однако, разочарование российских (равно и американских) элит в результатах внедрения новой модели дружеского партнёрства привело к пониманию невозможности её осуществления на практике. В XXI век обе страны вступили не только с более консервативными лидерами (Россия с В.В. Путиным, а США с Дж. Бушем-младшим), но и с осознанием пределов взаимного партнёрства [Stent 2014, 49–82].

4

Позитивные сдвиги, обозначившиеся на короткое время в российско-американских отношениях в период президентства Д. Медведева и Б. Обамы⁸, сменились очередным витком противоречий, вновь обостривших управление взаимозависимостью между Москвой и Вашингтоном. Взаимность в отношениях в силу разности потенциалов сторон так и осталась нереализованным притязанием. Им не удалось придать партнёрству стабильный характер. Переходное состояние, в котором государства представляли друг перед другом в статусе «полупартнёров-полупротивников», по-прежнему сохранялось. Новая модель российско-американской позитивной взаимозависимости, вопреки надеждам и призывам экспертов [Цыганков 2012; Суслов, Караганов 2011], не сложилась, а на смену затянувшемуся периоду взаимной притирки сторон, вызванному поисками приемлемого формата отношений, пришли отчуждённость и даже враждебность.

Как и в предыдущие времена, подобное состояние отношений обуславливалось как структурными факторами, так и особенностями процесса взаимодействия сторон. Причём в структурном плане перемены были наиболее глубокими вследствие масштабного перераспределения мощи в мировой системе после «холодной войны». Российско-американские отношения утратили статус осевых и системообразующих, состоялся переход системы международных отношений от «плюралистической однополярности»⁹ к «незрелой», но всё более выраженной многополярности. Это привело элиты обеих стран к переоценке собственных возможностей и потребностей в области мировой экономики и политики.

К этому времени для них стали очевидны не только выгоды, но и издержки глобализации, с которой связывались перспективы позитивной взаимозависимости. Экономическая конкуренция со стороны растущего числа новых центров силы при-

⁸ В историю двусторонних отношений США и России они вошли под названием «перезагрузка».

⁹ Понятие было введено А.Д. Богатуровым [Богатуров 2002].

вела к смене модели поведения США на менее кооперативную по отношению к внешнему миру. Вашингтон пересмотрел свои приоритеты относительно некогда созданных по его инициативе международных институтов и режимов и, сочтя их излишне дорогостоящими, предпочёл вернуться к более экономным практикам национализма и унилатерализма [Druckman 2019; Koh 2019]. Подобная корректировка интересов привела к сокращению бремени американских международно-договорных обязательств, особенно в период президентства Д. Трампа.

Обозначившийся в 2010-х годах курс США на максимально широкую автономию и даже отстранённость от обсуждения и тем более выработку каких-либо судьбоносных решений, важных с точки зрения укрепления существующего мирового порядка, вызвал и встречные движения со стороны России, устами первых лиц государства квалифицирующей подобные тенденции в американской внешней политике как завершение гегемонии единственной сверхдержавы и западного доминирования в целом¹⁰.

Дополнительным аргументом в пользу подобной переоценки роли США в мировой политике и характера российско-американских отношений послужили и постепенно возросшие экономические и военно-силовые возможности Москвы, вошедшей в полосу подъёма после затяжного внутреннего и международного ослабления конца XX века¹¹. Начиная с середины 2000-х годов активизация её внешней политики на основе более широкой, чем прежде, трактовки национальных интересов

возродила к жизни нивелированные периодом российско-американского партнёрства геополитические факторы конфликтности с США в различных регионах мира – от постсоветского пространства до Ближнего Востока и Латинской Америки. Москва стремилась выровнять сложившиеся за предыдущие полтора десятилетия дисбалансы в отношениях с Западом, и прежде всего с Вашингтоном.

Само по себе это обстоятельство не создавало оснований для возвращения российско-американских отношений к модели негативной взаимозависимости, свойственной временам «холодной войны». На глобальном уровне значимый предмет для масштабного конфликта сторон (как и для их сотрудничества) по-прежнему отсутствовал, а локальные разногласия не ставили под угрозу их национальную безопасность. Однако в систему российско-американского взаимодействия вмешалась новая переменная – третьи силы, которые Р. Аксельрод и Р. Кохейн и считали помехой для развития устойчивых двусторонних отношений, основанных на принципах взаимности [Axelrod, Keohane 1985: 235]. Эти силы представлены разнородными игроками от влиятельных незападных стран (Китая, Ирана) до негосударственных участников (террористических и хакерских групп).

Изменилась и повестка двусторонних отношений, которая стала определяться не свойственными для обеих стран сюжетами: кибератаки, вмешательство во внутренние дела посредством Интернета со стороны неизвестных лиц¹². Уже в силу своей новиз-

¹⁰ Путин заявил об окончании однополярного мира. Интерфакс. 23.05.2014. <https://www.interfax.ru/russia/377686>; Лавров заявил о конце эпохи экономического и политического доминирования Запада. РИА Новости, 24.08.2015. URL: <https://ria.ru/20150824/1204454774.html> (дата обращения: 22.08.2020).

¹¹ Согласно данным Всемирного банка, на 2020 г. Россия занимает шестое место в списке стран по величине валового внутреннего продукта. https://databank.worldbank.org/data/download/GDP_PPP.pdf. В то же время, по информации Стокгольмского института проблем мира (СИПРИ), в 2020 г. РФ вошла в пятерку стран с крупнейшими военными расходами. <https://www.sipri.org/media/press-release/2020/global-military-expenditure-sees-largest-annual-increase-decade-says-sipri-reaching-1917-billion> (дата обращения: 28.08.2020).

¹² Достаточно сказать, что тема кибербезопасности начала влиять на атмосферу российско-американских отношений, как минимум, с апреля 2007 г., с момента атак на государственные серверы Эстонии, незадолго до этого ставшей членом НАТО.

ны они не вписывались в привычную логику американских и российских политических элит, не создавших для решения подобных проблем каких-либо постоянно действующих институтов и не выработавших соответствующих антикризисных механизмов и норм, регламентирующих поведение сторон по отношению друг к другу, как, например, в случае с такими привычными сферами взаимодействия, как контроль на вооружениях.

И хотя на первых порах обозначенные выше новые проблемы не могли закрыть окно возможностей для двустороннего диалога по вопросам сотрудничества, перечень вопросов, в которых Россия и США могли рассматривать друг друга в качестве незаменимых партнёров, оставался узким. Даже в областях выраженного совпадения интересов (транзит грузов в Афганистан и из него, нераспространение оружия массового уничтожения, борьба с терроризмом) взаимодействие наталкивалось на значительные препятствия¹³.

Критичной необходимости в партнёрстве, в отсутствие надёжной материальной и организационной базы, по-прежнему не существовало. Стороны не располагали такими активами, обмен которыми мог бы рассматриваться как наилучшая альтернатива всем остальным вариантам, имеющимся в их распоряжении — от опоры на собственные силы до сотрудничества с другими партнёрами и тем более союзниками. Декларируя общность интересов и целей там, где они всё ещё пересекались, российские и американские политико-дипломатические круги по-разному видели пути к их достижению, предпочитая сохранять свободу рук везде, где это представлялось возможным [Иванов 2012].

Вместо развития сотрудничества обе стороны скорректировали внешнеполитические стратегии и военные планы, сделал выбор в пользу менее кооперативных методов борьбы с иррациональными носителями угроз (особенно с террористическими организациями). Противоядием таковым, особенно после терактов в США в 2001 году, тем не менее вышло за пределы применения собственно антитеррористических мер и было перенесено в иные сферы. В частности, с точки зрения истеблишмента Соединённых Штатов, произошла девальвация многих механизмов контроля над вооружениями и стратегической стабильности, так как они были созданы с целью сдерживания крупных стран (России, КНР), а не «безответственных» режимов, потенциально способных разрабатывать ядерное оружие (Иран, КНДР). Поскольку последние обозначались американскими властями в качестве реальной, а не гипотетической (как в случае с Россией) ракетно-ядерной угрозы, цена разрыва договорённостей с Москвой или понижения уровня сотрудничества с ней в области ограничения вооружений уже переставала казаться американским политикам неприемлемой¹⁴.

Война с терроризмом и поддерживающими его «странами-изгоями» стала для США реальным конфликтом, и они задумались уже не о снижении, а о повышении порога чувствительности к борьбе с угрозами любой этиологии, а не только исходящими от конкретной страны-конкурента, в отношении которой могли бы эффективно работать правила взаимного сдерживания. На смену доминировавшей долгое время концепции относительной безопасности пришло стремление к достижению безо-

¹³ Во многом по этой причине оказались несостоятельны проекты совместной с США и НАТО системой ПРО, договора о европейской безопасности, которые были предложены Россией в период перезагрузки. В свою очередь, США, избегая значительных уступок Москве в сферах, представляющих для неё особый интерес, также предпочли не ставить себя в излишнюю зависимость от российских властей в плане дальнейших возможностей по использованию «северного маршрута» транзита военных грузов в Афганистан, сделав в итоге ставку на более короткий и опасный путь через Пакистан.

¹⁴ Буш: Договор о ПРО устарел. Би-би-си, русская служба (дата обращения: 03.09.2020). URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_1306000/1306835.stm

пасности абсолютной (тотального искоренения угроз), требовавшее максимального превосходства над противниками, в том числе посредством их разоружения с использованием военной силы на упреждение [Qingguo 2003: 201–215].

Смещение приоритетов США в области военного строительства потребовало развития не только новых наступательных, но и оборонительных систем вооружений, что, в свою очередь, вызвало негативную реакцию со стороны России, настаивавшей на сохранении высокой чувствительности к конфликту как гарантии его избегания. В то же время Москва изначально сдержанно отнеслась к одностороннему выходу США из Договора по противоракетной обороне в 2002 году, полагая снять для себя возникшие в связи с этим риски не политико-дипломатическими, а военно-техническими решениями. Более того, в скором времени позиции российских политических и военных кругов по вопросам сдерживания также претерпели изменения. Как и Вашингтон, Москва (с оговорками) стала демонстрировать приверженность активному типу ядерного сдерживания, допускающему применение оружия массового уничтожения не только в оборонительных, но и в превентивных целях [Косолапов 2008]. Как бы вторя заявлениям и в некотором смысле копируя (пусть и с большей осторожностью) логику своих заокеанских партнёров, российские официальные лица также стали допускать возможность пересмотра важнейших двусторонних и многосторонних соглашений в области контроля над вооружениями (СНВ, РСМД, ДОВСЕ) вплоть до их денонсации¹⁵.

Объяснялось это соображениями региональной безопасности – сферы, в которой

плотность российско-американских связей традиционно была меньшей по сравнению с прочным каркасом взаимозависимых отношений на уровне глобальной безопасности [Шаклеина 2013]. Локализация интересов России после «холодной войны», борьба с такими непосредственными угрозами, как терроризм, сепаратизм, локальные конфликты с соседями, а не с гипотетическими опасностями новой мировой войны повлияли на выбор её стратегий. Москва, будучи стороной, непосредственно вовлечённой в решение значимых постсоветских проблем (Грузия, Украина), не считала их предметом для переговоров с внерегиональной державой – Соединёнными Штатами.

В то же время риск непосредственного военного столкновения между Россией и США полностью не исчез. Многолетние усилия двух государств по сокращению взаимной угрозы дали свои плоды, а их наличествующие потенциалы после серии успешных договорённостей о сокращении вооружений на рубеже 1980-х – 1990-х годов оказались на минимально достаточном уровне. Однако с избыточными потенциалами, делавшими немислимой саму идею широкомасштабной войны, ушли в прошлое и опасения относительно неприемлемости конфликта. Психологический дискомфорт от мысли о гипотетическом использовании военной силы во взаимных спорах перестал доставлять американским и российским элитам прежние неудобства, о чём свидетельствовала усиленная (начиная с 2000-х годов) акцентуация на ядерном сдерживании и крайне скромные по сравнению с предыдущим десятилетием достижения договорённостей в сфере контроля над вооружениями между ними¹⁶.

¹⁵ Разведка словом – США попросили Россию попридержать ракеты // Коммерсант, 17 февраля 2007 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/743637> (дата обращения: 05.09.2020).

¹⁶ Об этом свидетельствуют в том числе положения российских и американских военных доктрин начиная с 2000-х годов, где ядерному оружию и ядерному сдерживанию в системе военного планирования стала уделяться более важная роль. См.: Указ Президента РФ от 21 апреля 2000 г. № 706 «Об утверждении Военной доктрины Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/181993/>; Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. № 146 «О Военной доктрине Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_97325/; Указ Президента Российской Федерации от 25 декабря 2014 г. № 2976 «О Военной доктрине Российской Федерации».

При всех существующих разногласиях между двумя странами их политическое руководство всё чаще демонстрирует удивительное единодушие в оценках стоимости потенциального конфликта. Девальвация режимов контроля над вооружениями, многочисленные словесные интервенции как российских, так и американских должностных лиц, допускавших возможность военного конфликта между двумя странами¹⁷, дали повод усомниться в надёжности порога применения силы в российско-американских отношениях. Обе стороны доктринально нацелились на применение нелетальных (прежде всего информационных)¹⁸ технологий воздействия на потенциального противника, тем самым всё больше допуская «гибридизацию» различных форм противоборства и размывая границы между разновидностями войн как таковых (физическими и виртуальными, ядерными и конвенциональными, оборонительными и наступательными) [Mattis, Noffman 2007; Герасимов 2013]. Как следствие, подобная переоценка роли силы, хотя бы и на высоком экспертном уровне, породила тем не менее существенные риски войны для обеих стран, особенно принимая во внимание присущую современным конфликтам склонность к быстрой эскалации в результате расширения набора применяемых средств поражения [Арбатов, Дворкин, Топычканов 2018: 13–52].

Маржинальным фактором, отягчающим российско-американские отношения, выступает и сфера экономики. Она, в отличие, например, от отношений американо-китайских с их взаимным товарооборотом в сотни и взаимными инвестициями на десятки миллиардов долларов ежегодно¹⁹, не способна смягчить остроту политических разногласий России и США. Взаимодополняемость экономик двух стран, по оценкам экспертов, фактически отсутствует [Кузнецова, Подбиралина 2019; Давыдов 2015], динамика их торговых отношений отличается неустойчивостью и подвержена множеству конъюнктурных влияний — от чисто экономических до сугубо политических²⁰. За вычетом узкой группы товаров, включающей изделия стратегического назначения, от которых стороны могут взаимно зависеть (американское нефтегазовое оборудование для России, российский низкообогащённый уран и ракетные двигатели РД-180 для США), масштабы связей в таких важнейших областях, как прямые инвестиции, совместное товарное производство, остаются незначительными, что не позволяет относить их к разряду критичных для национальных экономик. Более того, сама экономическая сфера подвергается всё большей политизации, не только не способствуя нормализации российско-американских связей, но и ухудшая их, примером чему служит политика экономи-

Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/; United States Nuclear Posture Review Report 2002. URL: <https://archive.defense.gov/news/Jan2002/d20020109npr.pdf>; Nuclear Posture Review Final Report, April 2010. URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NPR/2010_Nuclear_Posture_Review_Report.pdf; Nuclear Posture Review Final Report, February 2018 URL: <https://dod.defense.gov/News/SpecialReports/2018NuclearPostureReview.aspx> (дата обращения: 10.08.2020).

¹⁷ Sanger D., Perloth N. U.S. Escalates Online Attacks on Russia's Power Grid // New York Times. June 15, 2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/06/15/us/politics/trump-cyber-russia-grid.html>; Постпред РФ при ООН не исключил возможности войны между Россией и США. DW. 12.04.2018. URL: <https://is.gd/cqHGDC> (дата обращения: 15.09.2020).

¹⁸ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации от 5 декабря 2016 г.; National Cyber Strategy of the United States of America. September 2018. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (дата обращения: 16.09.2020).

¹⁹ На 2019 г. товарооборот между США и КНР, несмотря на торговые разногласия, составил 558 млрд долл., а взаимные прямые инвестиции — более 18 млрд.

²⁰ Доля России в товарообороте США составляет около 1%, среди американских партнёров она стоит на 24-м месте по импорту и на 38-м — по экспорту. Доля США в товарообороте России колеблется в районе 4–5 %, и в списке торговых партнёров они занимают 7-е место.

ческих санкций, налагаемых американской стороной на Кремль. Как показала практика, безуспешные попытки Вашингтона «исправить поведение» Москвы после начала украинского конфликта 2014 г. посредством санкций подтервели ограниченность эффекта от использования в политических целях мер экономического воздействия. Даже ближайший союзник США – Европейский Союз, с которым у России уровень взаимозависимости в экономике и торговле традиционно высок, оказался не в состоянии переломить ситуацию, присоединившись к американским санкциям [Post-Crimea Shift 2019]. Сами же санкционные методы только ускорили диверсификацию российской внешнеэкономической деятельности, стимулировали различные варианты «импортозамещения»²¹, а Центральный банк и Министерство финансов Российской Федерации зафиксировали в качестве цели дальнейшее сокращение зависимости страны от американского доллара как расчётной и резервной валюты²².

В дополнение к военно-политическим и экономическим причинам, изменившим состояние взаимозависимых отношений России и США, свою лепту в обострение внесли и внутривнутриполитические обстоятельства. После 1991 г. считалось, что динамика изменений в обеих странах будет способствовать нормализации их диалога²³. Новопришедшие партнёры полагали, что с уходом идеологических различий исчезнет и основа для конфликта. Её сохранение было бы возможным только в результате инер-

ционности сложившихся политических практик, которые должны были вскоре уступить место широкому сотрудничеству благодаря воле и личной дружбе первых лиц государства [Stent 2014, 13–34]. Складывалась ситуация, когда именно национальные лидеры, а не институты закладывали основы интеграции политических и деловых элит двух стран в новый глобальный мир на основе унифицированных интересов и схожих мировоззренческих оценок. Однако последующий отказ политических элит двух стран от неоллиберальных сентенций 1990-х годов, всё большее распространение в их политических практиках национализма и единоличных действий затруднили разграничение внутривнутриполитической и внешнеполитической сфер.

В обусловленных внутренними причинами (силы или слабости национальных лидеров, возможностей оппозиции) попытках Москвы и Вашингтона защищать свой суверенитет от внешних посягательств проявилась изменчивость предпочтений политических элит. Проекция внешнеполитических тем на внутривнутриполитические события – будь то протесты в Москве, кибератаки на серверы Демократической партии в США, в которых стороны обвиняли друг друга, стала свидетельством эксплуатации темы чувствительности/уязвимости зачастую в популистских целях²⁴.

При этом на уровне «полуофициального» и экспертного дискурса стороны признают такое положение вещей едва ли не естественным и укладывающимся в рамки так называемой новой нормальности

²¹ Для этой цели в 2015 г. при Правительстве РФ была создана межведомственная комиссия по импортозамещению, ставшая своего рода ответом на введённые против России санкции США и ЕС.

²² См., например: Обзор рисков финансовых рынков № 2 (30). Февраль 2019. С. 10. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/15755/ORFR_2019-02.pdf (дата обращения: 18.09.2020).

²³ Хартия российско-американского партнерства и дружбы // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Хрестоматия: В 4 т. Т. IV. Документы. М.: МГИМО (У) МИД России, 2002.

²⁴ РФ сочла публикацию на сайте посольства США призывом на митинг 3 августа. Интерфакс, 09.08.2019. URL: <https://www.interfax.ru/russia/672159>; Russian government hackers penetrated DNC, stole opposition research on Trump, Washington Post, June 14, 2016. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/russian-government-hackers-penetrated-dnc-stole-opposition-research-on-trump/2016/06/14/cf006cb4-316e-11e6-8ff7-7b6c1998b7a0_story.html?hpid=hp_rhp-banner-main_dnc-hackers-1145a-banner%3Ahomepage%2Fstory&utm_term=.e8bf3382d30a (дата обращения: 22.09.2020).

в международных отношениях [Глобальная система... 2016]. Её последствия пока трудно предсказать, однако риски неопределённости, связанные с этим состоянием глобальной системы, не только подрывают устоявшиеся за многие десятилетия традиции российско-американского взаимодействия, но и снижают вероятность выработки новых механизмов управления взаимозависимостью между Москвой и Вашингтоном.

Повышение их толерантности к потенциальному прямому столкновению при одновременном снижении иммунитета к страхам относительно его последствий сужают окно возможностей для нормализации отношений. Выработка новых практик взаимодействия в подобных условиях становится сложной задачей, а воспроизводство старых и проверенных временем принципов сдерживания – привычного и комфортного для политических элит обеих стран формата отношений, также наталкивается на множество препятствий в новом мире. Неопределённость заставляет российские и американские элиты отказываться от «логики соответствия» – создания долговременных институтов, обеспечивающих предсказуемость в отношениях, и переходить к «логике последствий» – сиюминутным решениям, представляющимся сторонам наиболее приемлемыми в текущий момент времени [March, Olsen 2004]. Они начинают мыслить тактически, а действовать ситуативно.

* * *

Исследовательский интерес к проблематике взаимозависимости, проявившийся у научного сообщества международников ещё несколько десятилетий назад, не был утрачен и в XXI веке. Тестирование концепций взаимозависимости на конкретных случаях расширяет и обогащает его научно-аналитические возможности в современных условиях, что демонстрирует пример российско-американских отношений. Россия и США вошли в затяжной и опасный период неопределённости с низким уровнем взаимодействия не только по во-

просам, ранее представлявшим взаимный интерес, но и с фактическим отсутствием диалога по новым проблемным полям, где пересечение интересов оказывается ещё менее значимым. Как следствие, обе страны оказались неспособными найти ни оснований для долговременного партнёрства через интеграцию, ни взаимоприемлемой концептуальной основы для контролируемой конфронтации. Постепенный упадок институтов негативной взаимозависимости между бывшими противниками не содействовал зарождению между ними взаимозависимости позитивной, способной превратить их в партнёров. Если в годы «холодной войны» взаимозависимость СССР и США была обусловлена взаимным сдерживанием с элементами нормализации, а после её завершения не меньшим взаимным интересом по «интеграции России в западный мир», то на современном этапе обе эти формулы взаимозависимости утратили для сторон былую ценность. Стороны демонстрируют всё большую самодостаточность в отношениях, хотя на практике не способны игнорировать существование друг друга в силу своего статуса крупнейших мировых держав и значимости двусторонних отношений уже хотя бы в силу этого обстоятельство. Прерывания взаимозависимости как всё ещё во многом сохраняющегося фактического состояния российско-американских отношений не происходит. Вместе с тем наблюдается дефолт его надстройки в виде существовавших долгие годы регуляторных практик – двусторонних режимов, институтов и норм взаимодействия. Их обнуление может сопровождаться болезненными конфликтными отношениями (возможно, даже острыми военно-политическими кризисами). Такой поворот событий может стать реальностью в тот момент, когда потенциальные издержки конфликта покажутся правящим элитам двух стран приемлемыми, а потенциальный выигрыш в виде победы над соперником представится заманчивым.

Предстоящие годы, таким образом, могут стать проверкой степени чувствительности/уязвимости для обеих стран. Каждая

из них будет испытывать на прочность своего оппонента, определяя его болевой порог. Для предотвращения эскалации конфликта до опасных пределов им потребуются пересмотр существующих механизмов и практик взаимодействия, которые если не

снимут противоречия, то, по крайней мере, позволят демаркировать границы конфликтного поля (правил ведения конфликта) с перспективой дальнейшего выхода на новые принципы отношений и их последующей нормализации.

Список литературы

- Арбатов А.Г., Дворкин В.З., Топычканов П. Переплетение обычных и ядерных вооружений как новая угроза безопасности: российская точка зрения. М.: Московский центр Карнеги, 2018. 108 с.
- Батюк В.И. Режимы в российско-американских отношениях // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2007. № 1. С. 52–66.
- Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность // Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. С. 283–296.
- Герасимов В.В. Ценность науки в предвидении // Военно-промышленный курьер. 2013. № 8(476). 27 февр.
- Гудби Д., Бувальда П., Тренин Д. Стратегия стабильного мира. Навстречу Евроатлантическому сообществу безопасности. М.: Международные отношения, 2003. 206 с.
- Взаимная безопасность: новый подход к советско-американским отношениям / Отв. ред. Р. Смоун, А. В. Кортунюв. М.: Международные отношения, 1991. 422 с.
- Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности / Под ред. А. Дынкина, М. Барроуза. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 194 с.
- Громыко Ан. А., Ломейко В. Новое мышление в ядерный век. М.: Международные отношения, 1985. 292 с.
- Голдгейер Дж., Макфол М. Цель и средства. Политика США в отношении России после «холодной войны». М., 2009. 519 с.
- Давыдов А.Ю. Проблемы и ограничения российско-американских экономических отношений // США и Канада: экономика, политика, культура. 2015. № 2. С. 3–16.
- Иванов И.С. «Перезагрузка» в российско-американских отношениях: тактический шаг или стратегический выбор? Российский совет по международным делам. 08.10.2012. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/perezagruzka-v-rossiysko-amerikanskikh-otnosheniyakh-taktich/>
- Караганов С.А. Предсказуемое будущее? Как самообман подменил серьёзный анализ. Россия в глобальной политике. 2019. №2. С. 58–72.
- Косолапов Н.А. Пороговый уровень и вероятность конфликта США с Россией // Международные процессы. 2008. Т. 4. № 3. С. 15–25.
- Кузнецова Г.В., Подбиралова Г.В. Тенденции развития внешней торговли США в 2015–2016 гг. Особенности внешнеторговых связей с Россией // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. № 3. С. 548–562.
- Отношения с США. Проблемы взаимной и общей безопасности. Отвечая на вызов времени / Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед Горбачёва с зарубежными деятелями и другим материалам. М.: Весь Мир, 2010. 944 с.
- Суслов Д.В., Караганов С.А. Отношения Россия – США после «перезагрузки»: на пути к новой повестке дня. Взгляд из России // Россия: стратегия для нового мира: Сб. докладов Международного дискуссионного клуба «Валдай». М.: НИУ ВШЭ, 2011. С. 41–94.
- Цыганков А.П. Россия–США: к новой модели взаимозависимости? Российский совет по международным делам. 07.09.2012. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-ssha-k-novoy-modeli-vzaimozavisimosti/> (дата обращения: 12.12.2019).
- Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. М.: ИСКРАН, 2002. 442 с.
- Шаклеина Т.А. Общность и различия в стратегиях России и США // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 2(33). С. 6–19.
- Allison G.T. Primitive Rules of Prudence: Foundations of Peaceful Competition // Window of Opportunity: From Cold War to Peaceful Competition in U.S.-Soviet Relations / G.T. Allison, W.L. Ury, B.J. Allyn. Cambridge: Ballinger Publications, 1989. P. 9–38.
- Axelrod R. The Evolution of Cooperation. New York: Basic Books, 1984. 241 p.
- Axelrod R., Keohane R. Achieving Cooperation under Anarchy: Strategies and Institutions // World Politics. 1985. Vol. 38. No. 1. P. 226–254.
- Baldwin D.A. Interdependence and Power: a Conceptual Analysis // International Organization. 1980. Vol. 34. No. 4. P. 471–506.

- Barbieri K.* Economic Interdependence: A Path to Peace or a Source of Interstate Conflict? // *Journal of Peace Research*. 1996. Vol. 33. No. 1. P. 29–49.
- Cichock M.A.* Interdependence and Manipulation in Russia-Baltic Relationship: 1993-97 // *Journal of Baltic Studies* 1999. Vol. 30. No. 2. P. 89–116.
- Clemens W.* *Can Russia Change? The USSR Confronts Global Interdependence*. London: Routledge, 2011. 241 p.
- Clemens W.* U. S. S. R. and Global Interdependence: Alternative Futures. American Enterprise Institute for Public Policy Research. Washington, DC: American Enterprise Institute, 1978. 113 p.
- Clemens W.* *The Superpowers and Arms Control: From Cold War to Interdependence*. Lexington: D. C. Heath and Co., 1973. 180 p.
- Copeland D.C.* *Economic Interdependence and War*. Princeton: Princeton University Press, 2014. 504 p.
- Druckman D.* Unilateral diplomacy: Trump and the sovereign state // *Negotiation Journal*. 2019. Vol. 35. No. 1. P. 101–105.
- Farrell H., Newman A.L.* Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion // *International Security*. 2019. Vol. 44. No. 1. P. 42–79.
- Gatti T.T.* *The UN Rediscovered: Soviet and American Policy in the United Nations of the 1990s // Soviet-American Relations After the Cold War / ed. by R. Jervis, S. Bialer*. Durham: Duke University Press. P. 197–223.
- Gasiorowski M., Polachek S.* Conflict and Interdependence. East-West Trade and Linkages in the Era of Détente // *Journal of Conflict Resolution*. 1982. Vol. 26. No. 4. P. 712–713.
- Glaser Ch. L.* *Rational Theory of International Politics: the logic of competition and cooperation*. Princeton: Princeton University Press, 2010. 314 p.
- Goldman K., Sjöstedt G. M.* *Power, Capabilities, Interdependence: Problems in the Study of International Influence*. London: Sage Publications, 1979. 300 p.
- Gottlieb St., Lorber E.* The Dark Side of Interdependence How Global Ties Tied Our Hands in Russia // *Foreign Affairs*. 05.08.2014. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/2014-08-05/dark-side-interdependence> (дата обращения: 12.12.2019).
- Grais W., Zheng K.* Strategic Interdependence in European East-West Gas Trade: A Hierarchical Stackelberg Game Approach // *The Energy Journal*. 1996. Vol. 17. No. 3. P. 61–84.
- Hardt J.P., Holliday G.D., Kim Y.C.* *Western Investment in Communist Economies. A Selected Survey on Economic Interdependence*. Prepared for the Subcommittee on Multinational Corporations. Washington: United States Senate, 1974. 83 p.
- Hirshman A.* *National Power and the Structure of Foreign Trade*. L.A.: University of California Press, 1945. 170 p.
- Jervis R.* Cooperation Under Security Dilemma // *World Politics*. 1978. Vol. 30. No. 2. P. 167–214.
- Johnson J.* Forbidden Fruit: Russia's Uneasy Relationship with the US Dollar // *Review of International Political Economy*. 2008. Vol. 15, No. 3. P. 379–398.
- Keohane R.D.* Reciprocity in International Relations // *International Organization*. 1986. Vol. 40. No. 1. P. 1–27.
- Keohane R.D., Nye J.S.* Power and Interdependence Revisited // *International Organization*. 1987. Vol. 41. No. 4. P. 725–753.
- Keohane R.D., Nye J.S.* *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. New York and London: Longman, 1977. 273 p.
- Koh H.H.* Trump Change: Unilateralism and the “Disruption Myth” in International Trade // *Yale Journal of International Law Online*. URL: https://cpb-us-w2.wpmucdn.com/campuspress.yale.edu/dist/8/1581/files/2019/02/11_Koh_YJIL-Symposium_Epilogue_Trump-Change_02.05.19-2kfkph2.pdf
- Labarre F.* Self-Interest and Cooperation: The Emergence of Multilateral Interdependence in Post-Conflict Eras // *Connections*. 2007. Vol. 6, No. 4. P. 82–94.
- Lynch A.C.* The Putin Succession and Russian Foreign Policy // *The Brown Journal of World Affairs*. 2007. Vol. 14. No. 1. P. 53–64.
- March J.G., Olsen J.P.* The Logic of Appropriateness // *The Oxford Handbook of Political Science*. Oxford University Press, 2004. P. 478–497.
- Mattis J N., Hoffman F.* Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars // *Proceedings Magazine*. 2005. Vol. 132. No. 11. P. 233.
- Miller B.* When Opponents Cooperate: Great Power Conflict and Collaboration in World Politics. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1995. 354 p.
- Michalak S.J.* Theoretical Perspectives for Understanding International Interdependence // *World Politics*. 1979. Vol. 32. No. 1. P. 136–150.
- Nye J.R.* Nuclear Learning and U.S. – Soviet Security Regimes // *International Organization*. 1987. Vol. 41. No. 3. P. 371–402.

- Oneal G.R., Oneal F.H., Maoz Z., Russett B.* The Liberal Peace: Interdependence, Democracy and International Conflict 1950-85 // *Journal of Conflict Resolution*. 1996. Vol. 33. No. 1. P. 11–28.
- Post-Crimea Shift in EU-Russia Relations: From Fostering Interdependence to Managing Vulnerabilities / ed. by Kristi Raik and András Rácz. International Centre for Defence and Security, 2019. 319 p.
- Qingguo J.* In Search of Absolute Security: U.S. Nuclear Policy // *Unilateralism and U.S. Foreign Policy. International Perspectives*. L., 2003. P. 201–215.
- Rana W.* Theory of Complex Interdependence: A Comparative Analysis of Realist and Neoliberal Thoughts // *International Journal of Business and Social Science*. 2015. Vol. 6. No. 2. P. 290–297.
- Reynolds P.A., McKinlay R.D.* The Concept of Interdependence: Its Uses and Misuses // *Power, Capabilities, Interdependence: Problems in the Study of International Influence* / ed. by K. Goldmann, G. Sjostedt. London: Sage, 1979. P. 141–166.
- Rosecrance R., Stein A.* Interdependence: Myth or Reality? // *World Politics*. Vol. 26. No. 1. P. 1–27.
- Rosenau J.N.* Patterned Chaos in Global Life: Structure and Process in the Two Worlds of World Politics // *International Political Science Review*. 1988. Vol. 9. No. 4. P. 327–364.
- Sectors of Mutual Benefit in U.S.-Soviet Relations / ed. by N. Jamgotch. Durham: Duke University Press, 1985. 254 p.
- Schelling Th.C.* The Strategy of Conflict. Cambridge: Harvard University Press, 1960. 309 p.
- Schelling Th.C., Halperin M.* Strategy and Arms Control. Washington: Pergamon-Brassey's, 1985. 149 p.
- Solomon R., Gault A.* The Interdependence of Nations: An Agenda for Research. A Report to the National Science Foundation. Washington D.C.: Brookings Institution, 1977. 127 p.
- Stent A.E.* The Limits of Partnership: U.S.-Russian Relations in the Twenty-First Century. Princeton: Princeton University Press, 2014. 355 p.
- Stein A.* The Politics of Linkage // *World Politics*. 1980. Vol. 33. No. 1. P. 62–81.
- Tucker R.W.* The Inequality of Nations. N.Y.: Basic Books, 1977. 214 p.
- The Cold War as Cooperation. Superpower Cooperation in Regional Conflict Management / ed. by R.E. Kanet, E.A. Kolodziej. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1991. 439 p.
- Van Epps G.* Common Ground: U.S. and NATO Engagement with Russia in the Cyber Domain. // *Connections*. 2013. Vol. 12. No. 4. P. 15-50
- Waltz K.N.* The Structural Realism after the Cold War // *International Security*. 2000. Vol. 25. No. 1. P. 5–41.
- Willet J.V., Levine H.S.* Economic Interdependence and US-Soviet Relationship. In: Long Range US-USSR Competition – National Security Implications: Proceedings National Security Affairs Conference, July 12–14. Washington: National Defense University, 1976. P. 147–207.

FACETS OF INTERDEPENDENCY IN RUSSIA-US RELATIONS

YURIY NADTOCHEY

MGIMO University, Moscow 119454, Russian Federation

Abstract

The appliance of interdependence concepts in the International Relations studies can hardly be regarded as something new. However, slowing down globalization and rising international tensions even among partner or allied states make rethinking of these concepts relevant. The notion that interdependence may ease tensions was put under question and opposed by the idea that interdependence may become a source of conflict. Scholars also missed their focus on conceptualization of interdependence forgetting that it was not a product of globalization, rather a result of the Cold War era. Thus, it can be applied to relations not only between partner countries, but also rivals, as was in the case of the U.S.-Soviet relations. The dense fabric of bilateral agreements, institutions, and regimes in various fields (primarily in security domain) prevented superpowers from a destructive conflict. After the collapse of the bipolar world, both states tried to consolidate the legacy of interdependence by increasing cooperation, transferring relations from mutual

assured destruction to sustainable partnership, from deterrence to security community. However, structural changes in world politics reshaped Russian-American relations. Unlike the Cold War period with its unique U.S.-Soviet interdependence model, which served as a necessary precondition for lasting peace, contemporary Russian, as well as American decision-makers do not tend to estimate cooperation between two countries as critical in terms of national security and conflict prevention. In contrast, they are more likely to treat bilateral relations as too costly and burdening. Moscow and Washington increasingly prefer to be unbound in achieving their short- or long-term political goals and choose the way of unilateral decisions and actions with no corresponding with the counterpart. These risky policies of mutual neglect increase the likelihood of future conflict between the two powers.

Keywords:

U.S.-Russia Relations; interdependence; structure; process; Neorealism; Neoliberalism; International Institutions; Cold War; Deterrence; D tente.

References

- (2010). *Otnosheniya s SSHA. Problemy vzaimnoj i obshchej bezopasnosti. Otvechaya na vyzov vremeni / Vneshnyaya politika perestrojki: dokumentalnye svidetelstva. Po zapisyam besed Gorbacheva s zarubezhnymi deyatelyami i drugim materialam*. [Relations with the USA. Mutual and Common Security issues. Responding to the Challenge of Time. Foreign policy of Perestroika: Documentary Evidence. According to the Records of Gorbachev's Conversations with Foreign Figures and Other Materials]. Moscow, VES MIR. 944 p. Acton J., Arbatov A., Dvorkin V., Topychkanov P., Zhao T., Bin L. (2017). *Entanglement: Chinese and Russian Perspectives on Non-nuclear Weapons and Nuclear Risks*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace. 94 p.
- Allison G. (1989). Primitive Rules of Prudence: Foundations of Peaceful Competition. In Allison G.T., Ury W., Allyn B. J. (eds.) *Window of Opportunity: From Cold War to Peaceful Competition in U.S.-Soviet Relations*. Cambridge: Ballinger Publications. P. 9–38.
- Axelrod R. (1984). *The Evolution of Cooperation*. New York: Basic Books. 241 p.
- Axelrod R., Keohane R. (1985). Achieving Cooperation under Anarchy: Strategies and Institutions. *World Politics*. Vol. 38. No. 1. P. 226–254.
- Baldwin D.A. (1980) Interdependence and Power: a Conceptual Analysis. *International Organization*. Vol. 34. No. 4. P. 471–506.
- Batyuk V.I. (2007). Rezhimy v rossijsko-amerikanskikh otnosheniyakh. [Regimes in Russian-American Relations]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya*. No 1. P. 52–66.
- Barbieri K. (1996). Economic Interdependence: A Path to Peace or a Source of Interstate Conflict? *Journal of Peace Research* Vol. 33. No. 1. P. 29–49.
- Bogaturov A.D. (2002). Plyuralisticheskaya odnopolyarnost' [Pluralist Unipolarity]. In: *Ocherki teorii i politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnoshenij*. Moscow: NOFMO. P. 283–296.
- Goodby J. E., Buwalda P., Trenin D. (2002). *A Strategy for Stable Peace: Toward a Euroatlantic Security Community*. Washington: United States Institute of Peace Press. 192 p.
- Cichock M. A. (1999). Interdependence and Manipulation in Russia-Baltic Relationship: 1993-97 // *Journal of Baltic Studies*. Vol. 30. No. 2. P. 89–116.
- Clemens W. (2011). *Can Russia Change? The USSR Confronts Global Interdependence*. London: Routledge. 241 p.
- Clemens W. (1978). *U. S. S. R. and Global Interdependence: Alternative Futures*. Washington: American Enterprise Institute. 113 p.
- Clemens W. (1973). *The Superpowers and Arms Control: From Cold War to Interdependence*. Lexington: D. C. Heath and Co. 180 p.
- Davydov A.Yu. (2015). Problemy i ogranicheniya rossijsko-amerikanskikh ekonomicheskikh otnoshenij [Problems and Limits in Russian-American Economic Relations]. *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kultura*. No. 2. P. 3–16.
- Dynkin A., Burrows M. (eds.). (2016). *Global System on the Brink: Pathways toward a New Normal*. Moscow, Primakov IMEMO. 194 p.
- Druckman D. (2019). Unilateral diplomacy: Trump and the sovereign state. *Negotiation Journal*. Vol. 35. Issue 1. P. 101–105.
- Farrell H., Newman A.L. (2019). Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion. *International Security*. Vol. 44. No. 1. P. 42–79.
- Gatti T. (1991). The UN Rediscovered: Soviet and American Policy in the United Nations of the 1990s. In: Jervis R., Bialer S. (eds) *Soviet-American Relations After the Cold War*. Durham: Duke University Press. P. 197–223.

- Gasiorowski M., Polachek S. (1982). Conflict and Interdependence. East-West Trade and Linkages in the Era of Détente. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 26. No. 4. P. 712–713.
- Gerasimov V. V. (2013). Tsennost' nauki v predvidenii. [The Value of Science in Foresight]. *Voennopromyshlennij kur'er*. No. 8. URL: <https://www.vpk-news.ru/articles/14632>
- Glaser Ch. (2010). *Rational Theory of International Politics: the logic of competition and cooperation*. Princeton: Princeton University Press. 314 p.
- Gottlieb St., Lorber E. (2014). The Dark Side of Interdependence How Global Ties Tied Our Hands in Russia. *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/2014-08-05/dark-side-interdependence> (accessed: 12.12.2019).
- Grais W., Zheng K. (1996). Strategic Interdependence in European East-West Gas Trade: A Hierarchical Stackelberg Game Approach. *The Energy Journal*. Vol. 17. No. 3. P. 61–84.
- Gromyko An., Lomejko V. (1985). *Novoe myshlenie v yadernyj vek*. [New Thinking in Nuclear Century]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 292 p.
- Goldgeier J. M. McFaul M. (2003). *Power and Purpose: U.S. Policy toward Russia After the Cold War*. Washington: Brookings. 467 p.
- Goldman K., Sjöstedt G. M. (1979). *Power, Capabilities, Interdependence: Problems in the Study of International Influence*. London: Sage Publications. 300 p.
- Hardt J.P., Holliday G.D., Kim Y.C. (1974). *Western Investment in Communist Economies. A Selected Survey on Economic Interdependence*. Prepared for the Subcommittee on Multinational Corporations. Washington: United States Senate. 83 p.
- Hirshman A. (1945). *National Power and the Structure of Foreign Trade (The Politics of the International Economy)*. L.A.: University of California Press. 170 p.
- Ivanov I. (2012). «Perezagruzka» v rossijsko-amerikanskijh otnosheniyah: takticheskij shag ili strategicheskij vybor? [Reset in Russia-US Relations: Tactical Step or Strategic Choice] The Russian International Affairs Council (RIAC). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/perezagruzka-v-rossijsko-amerikanskijh-otnosheniyakh-taktich/>
- Jamgotch N. (ed.) (1985). *Sectors of Mutual Benefit in U.S.-Soviet Relations*. Durham, NC: Duke University Press. 254 p.
- Jervis R. (1978). Cooperation Under Security Dilemma. *World Politics*. Vol. 30. No. 2. P. 167–214.
- Johnson J. (2008). Forbidden Fruit: Russia's Uneasy Relationship with the US Dollar. *Review of International Political Economy*. Vol. 15. No. 3. P. 379–398.
- Kanet R.E., Kolodziej E.A. (eds) (1991). *The Cold War as Cooperation. Superpower Cooperation in Regional Conflict Management*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press. 439 p.
- Karaganov S.A. (2019). Predskazuemoe budushchee? Kak samoobman podmenil ser'eznyj analiz [Predictable Future? How self-deception has replaced serious analysis]. *Rossiya v global'noj politike*. No. 2. P. 58–72.
- Keohane R. O. (1986). Reciprocity in International Relations. *International Organization*. Vol. 40. No. 1. P. 1–27.
- Keohane R.O., Nye J.S. (1977). *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. New York and London: Longman. 273 p.
- Keohane R. O., Nye J. S. (1987). Power and Interdependence Revisited. *International Organization*. Vol. 41. No. 4. P. 725–753.
- Koh H. H. (2019). Trump Change: Unilateralism and the “Disruption Myth” in International Trade. *Yale Journal of International Law Online*. URL: https://cpb-us-w2.wpmucdn.com/campuspress.yale.edu/dist/8/1581/files/2019/02/11_Koh_YJIL-Symposium_Epilogue_Trump-Change_02.05.19-2kfkph2.pdf
- Kosolapov N.A. (2008). Porogovijj uroven' i veroyatnost' konflikta SSHA s Rossiej [Threshold and the probability of conflict of the U.S. with Russia]. *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 3. P. 15–25.
- Kuznetsova G.V., Podbiralina G.V. (2017). Tendentsii razvitiya vneshnej torgovli SSHA v 2015–2016 gody. Osobennosti vneshnetorgovykh svyazej s Rossiej [US Foreign Trade Trends in 2015–2016 Features of foreign trade relations with Russia]. *Nacional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'*. Vol. 13. No. 3. P. 548–562.
- Labarre F. (2007). Self-Interest and Cooperation: The Emergence of Multilateral Interdependence in Post-Conflict Eras. *Connections*. Vol. 6. No. 4. P. 82–94.
- Lynch A. C. (2007) The Putin Succession and Russian Foreign Policy. *The Brown Journal of World Affairs*. Vol. 14. No. 1. P. 53–64.
- March J.M., Olsen J.P. (2004). The logic of Appropriateness. In: *The Oxford Handbook of Political Science*. Oxford: Oxford University Press. P. 478–497.
- Miller B. (1995). *When Opponents Cooperate: Great Power Conflict and Collaboration in World Politics*. The University of Michigan Press. 354 p.
- Michalak S. J. (1979). Theoretical Perspectives for Understanding International Interdependence. *World Politics*. Vol. 32. No. 1. P. 136–150.

- Nye J.R. (1987). Nuclear Learning and U.S. – Soviet Security Regimes. *International Organization*. Vol. 41. No. 3. P. 371–402.
- Oneal G.R., Oneal F.H., Maoz Z., Russett B. (1996). The Liberal Peace: Interdependence, Democracy and International Conflict 1950-85. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 33. No. 1. P. 11–28.
- Qingguo J. (2003). In Search of Absolute Security: U.S. Nuclear Policy. In: *Unilateralism and U.S. Foreign Policy*. London: International Perspectives. P. 201–215.
- Rana W. (2015). Theory of Complex Interdependence: A Comparative Analysis of Realist and Neoliberal Thoughts. *International Journal of Business and Social Science*. Vol. 6. No. 2. P. 290–297.
- Raik K., Rácz A. (eds.) (2019). *Post-Crimea Shift in EU-Russia Relations: From Fostering Interdependence to Managing Vulnerabilities*. International Centre for Defence and Security. 319 p.
- Reynolds P. A., McKinlay R. D. (1979). The Concept of Interdependence: Its Uses and Misuses. In: Goldmann K., Sjøstedt G. (eds.) *Power, Capabilities, Interdependence: Problems in the Study of International Influence*. London: Sage. P. 141–166.
- Rosecrance R., Stein A. (1973). Interdependence: Myth or Reality? *World Politics*. Vol. 26. No. 1. P. 1–27.
- Rosenau J.N. (1988). Patterned Chaos in Global Life: Structure and Process in the Two Worlds of World Politics. *International Political Science Review*. Vol. 9. No. 4. P. 327–364.
- Suslov D.V., Karaganov S.A. (2011). Otnosheniya Rossiya – SSHA posle "perezagruzki": na puti k novoj povestke dnya. Vzglyad iz Rossii [US-Russia Relations – USA after "Reset" Towards New Agenda]. In: Rossiya: *strategiya dlya novogo mira*. Sbornik dokladov Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valdaj". Moscow: HSE. P. 41–94.
- Shakleina T.A. (2002). *Rossiya i SSHA v novom mirovom poryadke* [Russia and USA in the New World Order]. Moscow: ISKRAN. 442 p.
- Shakleina T.A. (2013). Obshchnost' i razlichiya v strategiyah Rossii i SSHA [Commonalities and Divergences in Russian-American Relations]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 11. No. 2 (33). P. 6–19.
- Schelling Th. C. (1960). *The Strategy of Conflict*. Harvard University Press. 309 p.
- Schelling Th. C. Halperin M. (1985). *Strategy and Arms Control*. Washington: Pergamon-Brassey's. 149 p.
- Smoun R., Kortunov A. (eds) (1991). *Vzaimnaya bezopasnost': novyj podkhod k sovetsko-amerikanskim otnosheniyam* [Mutual Security: New Approach to Soviet-American Relations]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 422 p.
- Solomon R., Gault A. (1977). *The Interdependence of Nations: An Agenda for Research*. A Report to the National Science Foundation. Washington D.C.: Brookings Institution. 127 p.
- Stein A. (1980). The Politics of Linkage. *World Politics*. Vol. 33. No.1. P. 62–81.
- Stent A E. (2014). *The Limits of Partnership: U.S.-Russian Relations in the Twenty-First Century*. Princeton: Princeton University Press. 355 p.
- Tsygankov A.P. (2012). *Russia-USA: on the way to a new model of interdependence*. Russian International Affairs Council. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/russia-usa-on-the-way-to-a-new-model-of-interdependence/>
- Tucker R.W. (1977). *The Inequality of Nations*. N.Y.: Basic Books. 214 p.
- Van Epps G. (2013). Common Ground: U.S. and NATO Engagement with Russia in the Cyber Domain. *Connections*. Vol. 12. No. 4. P. 15–50.
- Waltz K.N. (2000). The Structural Realism after the Cold War. *International Security*. Vol. 25. No. 1. P. 5–41.
- Willet J.V. Levine H.S. (1976). *Economic Interdependence and US-Soviet Relationship*. In: *Long Range US-USSR Competition – National Security Implications*: Proceedings National Security Affairs Conference, July 12–14, Washington: National Defense University. P. 147–207.